

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

УДК 94(47)04

КРЕСТЬЯНСКАЯ СЕМЬЯ НА СЕВЕРЕ В XVI–XVII ВЕКАХ: ОБОБЩЕНИЕ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ СОВЕТСКОГО ПЕРИОДА

П. Ю. Мельников

Саратовская государственная юридическая академия
E-mail: p_melnikov@list.ru

В данной статье производится обобщение историко-демографических исследований, посвященных структуре крестьянской семьи Севера в XVI–XVII вв. Выводы авторов советского периода пересчитываются в соответствии с принятой на настоящий момент классификацией семей Питера Ласлетта. Отдельное внимание уделяется особенностям методики определения структуры семьи в XVI в.

Ключевые слова: историческая демография, классификация семей, структура семьи, крестьянство Севера XVI–XVII вв.

A Peasant Family in the North in the XVI–XVII Centuries: Generalization and Interpretation of the Soviet Period Studies

P. Yu. Melnikov

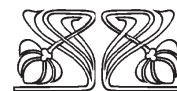
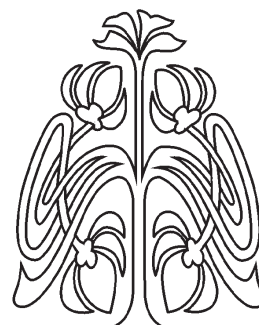
This article compiles historical and demographic research on the structure of a peasant family in the North in the XVI–XVII centuries. Conclusions of the authors of the Soviet period are reviewed in accordance with the currently accepted classification of the families of Peter Lasletta. Special attention is paid to the peculiarities of methods of determining the family structure in the XVI century.

Key words: historical demography, classification of families, family structure, peasantry of the North in XVI–XVII centuries.

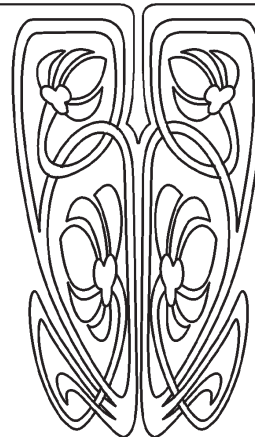
В данной статье делается попытка объединения некоторых результатов исследований, в той или иной степени затрагивающих крестьянскую семью Севера в XVI–XVII вв.¹ Следует оговориться, что специальные историко-демографические работы в отечественной науке не были распространены ни до революции, ни в советский период (что вызывало отдельную критику в научных кругах²). Поэтому информация о семье (ее составе, структуре, эволюции) содержится в исследованиях, принадлежащих разным наукам, и в силу этого разрозненна и специфична – за счет своей особенной методологии и системы доказательств; по этой причине выводы авторов советского периода могли впоследствии игнорироваться³. Для обобщения будет использоваться классификация Кембриджской группы, изложенная П. Ласлеттом⁴.

Рассматривая накопленный материал, логично будет разделить его на две части: на работы, относящиеся к XVI – началу XVII в. и ко второй половине XVII – началу XVIII в. Обосновать такой подход можно особенностями основных документов для каждого из периодов и их интерпретацией.

Специалисты по XVI в. в качестве исторического источника использовали в первую очередь писцовые книги. Содержащаяся в них демографическая информация специфична: «более-менее исчерпывающих сведений о тяглом населении в них нет»⁵. Писцы регистрировали дворы и людей в них – но не все население, а лишь какую-то часть; очевидная вычисляемая величина – количество людей на двор. Но кого именно писцы подразумевали под «людьми» было непонятно; споры по данному

НАУЧНЫЙ
ОТДЕЛ

поводу наблюдались еще в дореволюционной историографии. Так, по мнению В. О. Ключевского, «люди» – это дворохозяева. Н. А. Рожков относил к категории «людей» все мужское население двора⁶. Наконец, согласно точке зрения А. М. Гневушева, под людьми понимались главы семейств, т. е. женатые мужчины двора⁷.

Однако какой из вариантов верен и как по показателю «количество людей на двор» выявить численность двора и его структуру? В советский период обозначились два подхода. Первый из них скорее совпадает с точкой зрения В. О. Ключевского: под словом «люди» авторы понимали старейшего члена семьи, за которым скрывается большой родственный коллектив; приоритет отдавался большой семье (по классификации Ласлетта – составной). Однако от конкретизации количества составных и малых семей авторы этой группы оказались в основном из-за несопоставимости писцовых книг⁸.

Второй подход базировался на тезисе «люди – женатые мужчины» и во второй половине XX в. являлся в науке доминирующим. Хронологически первой в данной группе фигурирует статья И. Л. Перельман «Новгородская деревня в XV–XVI вв.». В ней сопоставляются данные писцовых книг за 1496, 1563 и 1583 гг. Свою интерпретацию термина «люди» автор не аргументирует и соответственно приводит следующие цифры: количество дворов с одной семьей – чуть более половины (51,5%), остальное – более крупные коллективы (38% – с двумя семьями, 8,4% – с тремя, 1,5% – с четырьмя)⁹. Таким образом, здесь наблюдается крайне незначительное преобладание малой семьи.

В коллективных трудах «Аграрная история Северо-Запада в XVI в.» (3 тома) и «Аграрная история Северо-Запада в XVII в.» использовался более сложный термин: «двор, населенный одной (или несколькими) семьями» – видимо, с целью подчеркнуть экономическое единство живущих в нем. Методика подсчета численности семей и их структуры была изложена Т. И. Осьминским¹⁰ в первом томе и использовалась во всех последующих работах. Суть ее сводилась к следующему:

1) указанные в писцовых книгах «люди» интерпретируются как женатые мужчины (опровержение иных вариантов сделано предельно кратко);

2) из писцовых книг извлекается информация о количестве людей, дворов и соотношение «людей на двор», приводятся данные о средней численности двора (6,18 человека – со ссылкой А. М. Гневушева);

3) поскольку данные об остальном составе семьи в писцовых книгах отсутствуют, автор привлекает более поздние источники – переписную книгу старорусских погостов 1669 г. и, особенно, перепись населения вотчины П. М. Бестужева-Рюмина 1731 г.¹¹;

4) устанавливается средняя численность двора (по этим источникам примерно такая же, как и в XVI в. – 6,17 чел.);

5) устанавливается соотношение между численностью населения двора и количеством семей, в нем проживающих (5 человек на одну семью плюс 2,5 человека на каждую дополнительную семейную пару).

Данная методика, применяемая к материалам конца XV – начала XVII в., закрепила тезис об однозначном преобладании на Севере в указанный период малой семьи, состоящей из семейной пары и неженатых детей. В большинстве случаев соотношение «людей на двор» оказывалось приближенным к единице: например, по различным районам Деревской пятины (за 1500 и 1582 гг.) оно колебалось от 1 до 1,1. Еще меньше этот показатель наблюдался в Заонежских погостах за 1582 г. (в 14 из 16 вариантов искомое соотношение было равно 1); схожие результаты давала и Бежецкая пятина: за 1545 г. – 1 человек на двор, за 1583 г. – 1,2 человека¹². Не наблюдалось принципиальных различий и в 8 уездах Псковской земли (80-е гг. XVI в.) – от 1 до 1,2¹³. Иными словами, в зависимости от местности на долю малой семьи приходилось от 80 до 100%. И лишь иногда цифры оказывались менее радикальными: заонежские погосты (1562 г.) – от 1,1 до 1,6 человека на семью, а новгородский и старорусский уезды (20 погостов) – от 1,1 до 2 (в среднем – 1,5) человека на семью.

Выводы работ А. И. Копанева несколько осторожнее. Во-первых, автор в первую очередь пытался ответить на вопрос о том, была ли в рассматриваемый период семья на Севере «задружной» (точка зрения А. Я. Ефименко¹⁴) или отцовской. Окончательный ответ: «... господствует отцовская семья – отец, сын, внуки (86%), далее идут братские семьи (13%), семей сложных (разнофамильных) – ничтожное число... Установленный факт... опровергает утверждения А. Ефименко о господстве на севере в изучаемое время задружной формы семьи...»¹⁵ При этом автор неоднократно подчеркивает трехпоколенный состав отцовской семьи (отец – сын – внуки), не вдаваясь в дальнейшую конкретизацию: «Кто из отцов – отец-дед или отец-сын – записан в писцовой книге (это зависело от фактического главенства в семье того или другого), для нас существенного значения не имеет»¹⁶. Иными словами, «отцовская» семья у Копанева «не задружная», но при этом отнюдь не малая; если исходить из трехпоколенного состава, то по классификации Ласлетта ее следует отнести к составной¹⁷.

Во-вторых, Копанев обратил внимание на непропорциональную численность малых и больших семей в XVI и XVII вв.: «... мы бы присоединились к последнему (толкованию термина «люди» как «главы семейств». – П. М.) с той оговоркой, что писцы не всегда этому правилу следовали. Так, из таблицы видно, что писцы середины и 80-х гг. XVI в. лишь в редчайших случаях указали сыновей при хозяине-отце, хотя, разумеется, сыновья (взрослые и женатые) при отцах во дворах были»¹⁸. Следует заметить, что

расхождение приводимых Копаневым данных было внушительным. Например, в Калесском стане в 1586 г. доля простых семей составляла 90%, а вариант «отец с 1 сыном» («stem family», или «корневая семья» по типологии Ласлетта) – всего 2%; а в 1622–1623 гг. эти цифры кардинально изменились – на 53 и 39% соответственно¹⁹. Однако эта диспропорция при окончательном выводе учтена не была: основной ячейкой в Двинском уезде автором была признана малая крестьянская семья в составе родителей и детей. Аналогичный вывод был сделан и о семье XVII в., но со ссылкой на Е. Н. Бакланову: «... среди вологодских крестьян малая семья составляла 80,3%, причем господствующим ее типом была индивидуальная семья супругов с их неженатыми детьми»²⁰.

Исследования, посвященные XVII в., с точки зрения историко-демографической более достоверны: использованные авторами переписные книги гораздо полнее писцовых, потому столь сложной интерпретации не требовали. В них учитывалось все мужское население, но, правда, игнорировалось женское, что могло создавать неточности при подсчете. Например, семья «отец – сын – внук» при учете только мужского населения отмечалась как составная, а аналогичная с точки зрения вероятности «отец – сын – дочь» превращалась в семью «отец – сын», пополняя, таким образом, число малых семей²¹; то же самое происходило и с категориями расширенных семей «мать – женатый сын – внуки» или «супруги – дети – родственница»: они при пересчете «скрывали» дополнительную женскую часть семьи и увеличивали число простых домохозяйств.

Так, в монографии Е. Н. Баклановой использовались данные переписей 1678 и 1717 гг. Особую ценность исследованию придавала сопоставимость данных на интервале в несколько десятилетий, что давало возможность проследить динамику. Классификацию семей автор проводила по схеме, взятой из работы К. Маркса «Конспект книги Льюиса Г. Моргана «Древнее общество»»²²; соответственно все семьи подразделялись на две группы: «прямого родства» (отцовские семьи – большие и малые) и «бокового родства» (различные братские варианты). Конечные цифры таковы: семьи прямого родства составляли 71% в 1678 г. и 56,9% в 1717 г., а семьи бокового родства – 29% и 43,1% соответственно²³. Вывод уже приводился выше: господствующим типом была признана малая семья в составе супругов и детей. Однако если для материалов Баклановой использовать современную классификацию Ласлетта, то результаты станут несколько иными: малые семьи – 58,5% в 1678 г. и 39,3% в 1717 г., составные – 27,6% и 48,4%, расширенные – 12,9% и 12,4% соответственно²⁴.

Еще более отклоняющиеся в сторону больших семей результаты отмечены в ранней статье этого автора. Материалы переписи 1717 г. по монастырским крестьянам (рассмотрены выше)

в ней сопоставлены с аналогичными цифрами по помещичьим крестьянам, среди которых доля малых семей (при пересчете) составляла 19,8%, расширенных – 7,9%, а составных – 72,3% (!); при этом автор подчеркивала, что перепись 1717 г. очень подробно, учитывает все население и по полу, и по возрасту, так что различения можно считать сведенными к минимуму²⁵.

А. Я. Дегтярев также не поддерживал концепцию большой крестьянской семьи на Севере. Отмечая обозначенную некоторыми авторами (Бакланова, Власова) тенденцию по укрупнению семей в конце XVII в., он дает этому явлению свое объяснение: увеличение государственного налогового пресса²⁶. Этот тезис автор развивает, приводя данные по семьям Шелонской пятины за 1646 и 1678 гг. Однако его классификация семей весьма дробная (19 вариантов)²⁷; ее интерпретация по Ласлетту дает следующие цифры: в 1646 г. на долю малых семей Шелонской пятины приходилось 65,5%, расширенных – 10,1%, составных – 24,3%; в 1678 г. эти цифры поменялись на 40,6% (малые), 9,2% (расширенные), 50,2% (составные)²⁸.

Выводы А. Я. Дегтярева были существенно дополнены О. Б. Кох – за счет привлечения материалов по 3 районам. Автор пользовалась той же дробной классификацией и пришла к обозначенным ранее выводам о незначительной численности крестьянского двора (7–8 человек), преобладании малой семьи и увеличении доли семей нераздельных (к концу XVII в.). Пересчет материалов О. Б. Кох по классификации Ласлетта: в 1648 г. на долю малых семей по 3 районам приходилось от 64 до 74%, расширенных – от 13 до 22%, составных – от 2,5 до 16%; за 1678 г. эти показатели изменились на: 51–58% (малая), 10–17% (расширенная) и 26–38% (составная)²⁹. Аналогичная тенденция прослеживается и в течение XVIII в.³⁰

В противоречие с тезисом о малой семье вступают данные из статьи В. А. Александрова. Согласно его утверждению, служилые люди Сибири в середине XVII в. постоянно обращались с челобитными к царю с просьбой о вывозе к ним родственников. Поскольку основной поток переселенцев велся именно с северного региона, то он, по мнению исследователей, мог служить иллюстрацией о структуре тамошних семей. Соответственно в приведенном В. А. Александровым списке из 26 родственных коллективов семь можно обозначить как расширенные, семь – сложные, четыре носят спорный характер (либо расширенные, либо сложные), еще шесть по классификации Ласлетта можно с оговорками отнести к типу 2 (домохозяйства без семейной структуры) и только в трех случаях можно увидеть классический вариант «родители с детьми»³¹. Сам автор настаивал на приоритете среди енисейского крестьянства неразделенной семьи³².

Таким образом, тезис советской литературы о безусловном преобладании малой семьи в север-

ных регионах в рассматриваемый период требует серьезной корректировки. В первую очередь это касается более достоверных данных за XVII в.; их интерпретация по Ласлетту позиционирует малую семью в интервале примерно 75 до 50% от общего числа семейств (без учета «замаскированной» расширенной семьи, также уменьшающей число простых семей). Встречаются и более нестандартные отклонения (19,8%), однако их устойчивость еще предстоит выяснить.

Еще более неоднозначными представляются выводы по «замаскированным» материалам XVI в. Как можно заметить, тезис о приоритете на тот момент малой семьи основывается на двух аргументах. Первый предполагает соответствие между численностью семьи и ее структурой; на данный счет единого мнения еще нет. Можно привести и однозначное утверждение Ласлетта («... любой вывод относительно структуры домохозяйств, если он базируется на показателях размера, неприемлем.»³³), и противоречащую этому тезису корреляцию Б. Н. Миронова³⁴. Второй аргумент основывается на интерпретации термина «люди» как «женатые мужчины». Здесь можно отметить, что обоснован данный подход предельно кратко; в то же время многие исследователи склоняются к иному толкованию – «люди – домохозяйства», что меняет ситуацию принципиально. Однако даже если и принять оба этих тезиса как доказанные, то возникает ряд нерешенных вопросов. Во-первых, при таком толковании наблюдаются крайне расходящиеся цифры: на малую семью в зависимости от района приходится от 50 до 100% всех семейств; при схожести условий жизни и хозяйства одного региона это крайне необычно. Во-вторых, однозначный приоритет малой семьи XVI в. в следующем столетии внезапно исчезает; это также неестественно, поскольку семья – структура консервативная и меняется медленно. Наконец, сомнения вызывают сами цифры. Как уже говорилось выше, во многих районах Севера показатель «количество людей на двор» был равен единице, т. е. 100% семей были малыми; при этом аналогичный вариант не наблюдался впоследствии ни в XVII, ни в XIX, ни даже в конце XX (!) в.³⁵ К этому следует добавить, что тезис о господстве малой семьи в XVI в. вступает в противоречие с работой Джона Хайнала, по мнению которого Россия – зона «восточно-европейской брачности», со всеми ее особенностями, в том числе расширенной и составной семьей³⁶. Интересно, что выводы как Хайнала, так и Ласлетта были опубликованы в СССР в 1979 г. (т. е. раньше некоторых работ), однако во внимание приняты не были. На протяжении 1970 – 1980-х гг. исследователи крестьянского хозяйства Севера придерживались принятой ранее методики. Возможно, что свою роль сыграл здесь политический фактор, но скорее всего причина заключается в традиционной для СССР «научной специализации», о которой говорилось ранее: основной упор исследований делался на

социально-экономическом срезе общества, а проблемам демографическим отводился второй план.

Примечания

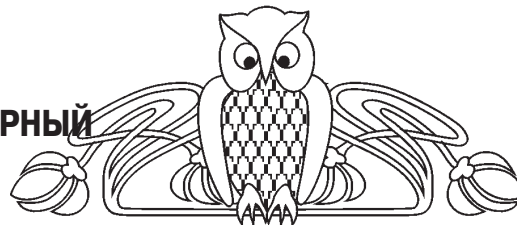
- 1 Частично это уже делалось в рамках статьи: *Миронов Б. Н.* Новая историческая демография имперской России : аналитический обзор современной историографии // *Вестн. С.-Петерб. ун-та. Сер. 2.* 2007. Вып. 3. С. 3–29.
- 2 См.: *Яцунский В. К.* О некоторых отстающих участках нашей науки // *История СССР.* 1959. № 3. С. 26.
- 3 См.: *Носевич Н. Л.* Еще раз о Западе и Востоке : структуры семьи и домохозяйства в истории Европы // *Круг идей : историческая информатика в информационном обществе : Тр. VII конф. Ассоциации «История и компьютер».* М., 2001. URL: <http://vln.by/node/116> (дата обращения: 25.05.2014).
- 4 *Household and Family in Past Time : Comparative Studies in the Size and Structure of the Domestic Group over the Last Three Centuries in England, France, Serbia, Japan and Colonial North America / P. Laslett, R. Wall (eds.).* Cambridge : Cambridge University Press, 1972. (Публикация на русском языке: *Ласлетт П.* Семья и домохозяйство : исторический подход // *Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. статей.* М., 1979. С. 132–157).
- 5 *Мерзон А. П.* Писцовые и переписные книги XV–XVII вв. М., 1956. С. 13.
- 6 *Ключевский В. О.* Отзыв на исследование Н. А. Рожкова «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.» // *Собр. соч. : в 8 т.* М., 1959. Т. 8. С. 373.
- 7 См.: *Гневушев А. М.* Очерки экономической и социальной жизни сельского населения Новгородской области после присоединения Новгорода к Москве. Киев, 1915. Т. 1. С. 40–41.
- 8 См.: *Витов М. В.* Историко-географические очерки Занонежья XVI–XVII вв. Из истории сельских поселений. М., 1962. С. 131 ; *Власова И. В.* Сельское расселение в Устюжском крае в XVIII – первой четверти XX в. М., 1976. С. 77 ; *Данилова Л. В.* Очерки по истории землевладения и хозяйства в Новгородской земле в XIV–XV вв. М., 1955. С. 266.
- 9 См.: *Перельман И. Л.* Новгородская деревня в XV–XVI вв. // *Исторические записки.* 1948. № 26. С. 148.
- 10 *Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. : в 3 т.* Л., 1971. Т. 1. С. 17–19.
- 11 См.: *Осьминский Т. И.* Бюджет крестьян в Пошехонской вотчине Бестужева-Рюмина (1731 г.) // *Вопросы аграрной истории.* Вологда, 1968. С. 355–373.
- 12 См.: *Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. 2. Новгородские пятины.* Л., 1974. С. 78, 112, 194, 243.
- 13 См.: *Аграрная история Северо-Запада России XVI в. Т. 3. Север. Псков. Общие итоги развития Северо-Запада.* Л., 1978. С. 68.
- 14 См.: *Ефименко А. Я.* Женщина в крестьянской семье // *Исследования народной жизни.* Вып. 1. Обычное право. М., 1884. С. 49–124.
- 15 *Копанев А. И.* История крестьян русского севера в

- XVI в. : автореф. дис. ... д-ра ист. наук / Ленингр. отд. Ин-та истории СССР АН СССР. Л., 1974. С. 15.
- ¹⁶ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. Л., 1978. С. 120.
- ¹⁷ Аналогичное заключение можно найти и в коллективном труде: История северного крестьянства. Т. 1. Крестьянство европейского Севера эпохи феодализма. Архангельск, 1984. С. 101.
- ¹⁸ *Копанев А. И.* Крестьянство Русского Севера в XVI в. С. 120.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Копанев А. И.* Крестьяне Русского Севера в XVII в. Л., 1984. С. 71.
- ²¹ См.: *Мионов Б. Н.* Указ. соч. С. 5–6.
- ²² См.: Архив Маркса и Энгельса : в 16 т. М., 1941. Т. 9. С. 12.
- ²³ См.: *Бакланова Е. Н.* Крестьянский двор и община на Русском Севере. Конец XVII – начало XVIII в. М., 1976. С. 32.
- ²⁴ См.: *Мионов Б. Н.* Указ. соч. С. 7.
- ²⁵ См.: *Бакланова Е. Н.* Переписная книга как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде // Материалы по истории Европейского Севера СССР. Северный археографический сборник. Вып. 1. Вологда, 1970. С. 173–175.
- ²⁶ См.: *Дегтярев А. Я.* Русская деревня в XV–XVII вв. Очерки истории сельского расселения. Л., 1980. С. 21.
- ²⁷ См.: *Воробьев В. М., Дегтярев А. Я.* Основные черты сельского расселения на северо-западе Руси в XVI–XVII вв. // История СССР. 1980. № 5. С. 177–178.
- ²⁸ Некоторые категории семей в указанной статье не определялись однозначно: например, группа «хозяин и братья» может быть отнесена и к расширенной семье (если братья не женаты) и к составной (если женаты). В таком случае индикатором считалось наличие в данной группе детей (тогда налицо вторая семейная пара – а это уже составная семья); спорные варианты интерпретировались как семьи расширенные.
- ²⁹ См.: Аграрная история Северо-Запада России XVII в. (населения, землевладение, землепользование). Л., 1989. С. 55–62.
- ³⁰ См.: *Миронова Б. Н.* Указ. соч. С. 7.
- ³¹ См.: *Александров В. А.* Черты семейного строя у русского населения Енисейского края XVII – начала XVIII в. // Тр. Ин-та этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Сиб. этнограф. сб. 1961. Вып. 3. С. 9–11.
- ³² Там же. С. 23.
- ³³ *Ласлетт П.* Указ. соч. С. 150.
- ³⁴ См.: *Мионов Б. Н.* Указ. соч. С. 17–20.
- ³⁵ Согласно микропереписи РФ 1994 г. на долю малой семьи приходится 62%, расширенной – 10,6%, сложной – 4,5%, одиноких с детьми – 12,9%.
- ³⁶ *Hajnal J.* European Marriage Patterns in Perspective // Population in History / eds. D. V. Glass, D. E. C. Ever-
slay. L., 1965. Публикация на русском языке: *Хайнал Дж.* Европейский тип брачности в перспективе // Брачность, рождаемость, семья за три века : сб. статей / под ред. А. Г. Вишневского, И. С. Кона. М., 1979. С. 14–70.

УДК 271(908)

ИСТОБЕНСКИЙ ТРОИЦКИЙ МОНАСТЫРЬ В XVII – НАЧАЛЕ XVIII ВЕКА: СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ И ЭКОНОМИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ

Е. В. Кустова

Вятский государственный гуманитарный университет
E-mail: kustovael@yandex.ru

Цель статьи – на примере Истобенского Троицкого монастыря рассмотреть условия и факторы создания и развития небольших монастырей в Вятской и Великопермской епархии в XVII – первой четверти XVIII в. Основное внимание уделяется изучению экономического, социального и духовного аспектов в жизни монастыря. В статье показаны местные особенности развития монашества на фоне общероссийских процессов.

Ключевые слова: Вятская и Великопермская епархия, Истобенский монастырь, монашество, повседневная жизнь, вкладчики, вотины, монастырские крестьяне, монастырская реформа Петра I.

The Istoben Trinity Monastery in the XVII – Early XVIII Centuries: Sociocultural and Economic Aspects

E. V. Kustova

The purpose of the article is to consider the conditions and factors of the creation and development of small monasteries in the Vятка

and Velikopermskaya Diocese in the XVII – the first quarter of the XVIII centuries illustrated by the Istoben Trinity Monastery. Special attention is focused on the study of the economic, social and spiritual aspects of life in the monastery. The article shows how the local features of the monasticism developed with the all-Russian processes in the background.

Key words: Vятka and Velikopermskaya Diocese, Istoben monastery, monk, everyday life, philanthropists, fiefdoms, monastery peasants, monastic reform of Peter I.

Историки монашества обычно избирают объектом своего исследования крупные и значимые в истории России обители. В то же время основная масса небольших монастырей, которые составляли живую ткань повседневной жизни провинции, зачастую остаются за рамками профессиональных интересов. Особенно это относится к ранним этапам их истории, что обусловлено узкой источниковой базой и спецификой работы с документами. В то же время их изучение крайне важно, поскольку